

літературних творів Дж. Байрона, Р. Бернса, Л. Боровиковського та ін., які розробляють мотив самотньої смерті воїна на полі бою.

Примітки

- ¹ Chants populaires des frontières méridionales de l'Ecosse/Rec. et commentés par sir Walter Scott, trad. de l'anglais par M. Artaud. Paris, 1826. Т. 3. Р. 217 (Oeuvres compl. de sir Walter Scott. Т. 16).
- ² Slough hound (заст. = bloodhound) – шукач; завдяки відмінному нюху та витривалості по запаху легко знаходить оленя, дикого кабана та має здатність на великих відстанях вистежувати людину.
- ³ Greyhound – хорт; на відміну від шукача, переслідує дичину завдяки надзвичайній швидкості та відмінним зоровим якостям, тому цю породу ще використовують на перегонах.
- ⁴ Wolff O.L.B. Halle der Völkler. Sammlung vorzögllicher Volkslieder der bekanntesten Nationen, grösstenteils zum ersten Male, metrisch in das Deutsche übertragen. Erster Band. Frankfurt am Mein, 1837.

Список використаних джерел

1. Балади / [упоряд. і прим. О.І. Дея та А.Ю. Ясенчук, передм. О.І. Дея]. – К.: Дніпро, 1987. – 319 с.
2. Владимирский Г.В. Пушкин-переводчик / Г.В. Владимирский // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР, Ин-т литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – [Вып.] 4/5. – С. 300–330.
3. Лексикон загального та порівняльного літературознавства. – Чернівці: Золоті литаври, 2001. – 636 с.
4. Пушкин А.С. Ворон к ворону летит... / Александр Сергеевич Пушкин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 3, кн. 1. – 1948. – С. 123.
5. Франко І. Зібр. тв.: у 50 т. / Іван Франко. – К.: Наукова думка, 1976 – 1988.
6. Edward // English and Scottish Popular Ballads [edited from the collection of Francis James Child by Helen Child Sargent and George Lyman Kittredge]. – Boston and New York. Houghton, Mifflin and Company: The University Press, Cambridge, 1904. – P. 24–26.
7. Hobie Noble // English and Scottish Popular Ballads [edited from the collection of Francis James Child by Helen Child Sargent and George Lyman Kittredge]. – Boston and New York. Houghton, Mifflin and Company: The University Press, Cambridge, 1904. – P. 465–467.
8. Lizie Wan // English and Scottish Popular Ballads [edited from the collection of Francis James Child by Helen Child Sargent and George Lyman Kittredge]. – Boston and New York. Houghton, Mifflin and Company: The University Press, Cambridge, 1904. – P. 93–94.
9. Scott W. Minstrelsy of the Scottish Border, Consisting Of Historical And Romantic Ballads, Collected In The Southern Counties Of Scotland; With A Few Of Modern Date, Founded Upon Local Tradition: in III Volumes / [Електронний ресурс] / Walter Scott. – [3rd edition]. – Volume II. – 1806. – 292 p. – Режим доступу: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12882>.

Summary. The article is focused on the problem of the Ukrainian literary ballad establishment through Ukrainian-English literary ties on the example of folk ballads “The Two Corbies”, “The Three Ravens” as well as “Oh the Cossack dies”, “Oh behind dark forests”.

Key words: comparative literature, images, translation, reception.

УДК 821.161.1-1.09 “19”

Т.В. Кеба

ПОЭТИКА ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

У статті здійснюється огляд основних аспектів вивчення поезики Ін. Анненського. Визначено перспективні напрямки подальших студій: аналіз образної системи, принципів циклоутворення, строфічної архітекτονіки, домінантних інтонаційно-синтаксичних особливостей.

Ключові слова: І. Анненський, поезика, художня структура, образна система, ліричний цикл, ліричний суб'єкт.

В последние десятилетия творческое наследие И.Ф. Анненского стало объектом пристального литературоведческого интереса. Но и сегодня общий объем научных работ разных жанров об Анненском ни в коей мере не соответствует ни богатству идейно-художественного содержания его творчества, ни тому значению, которое оно имело и продолжает сохранять для русской литературы. В настоящей статье предпринимается аналитический обзор основных направлений современного анненсковедения и определяются перспективы дальнейших исследований в этой области.

Начало изучению творчества Анненского было положено его современниками-поэтами еще при жизни автора “Тихих песен” и сразу после его смерти на рубеже 1900-1910-х годов. В силу понятных причин первопрочтение не отличалось академизмом и в значительной степени определялось субъективно-корпоративными интересами и позициями участников тогдашнего литературного процесса. О лирике Анненского писали по преимуществу представители разных ответвлений символизма – В. Брюсов, А. Блок, Вяч. Иванов, Андрей Белый, М. Волошин. Несколько позже о принципиальном значении творчества Анненского для дальнейшего развития русской поэзии говорили В. Ходасевич, Н. Гумилев, О. Мандельштам, А. Ахматова.

Среди разнообразия высказанных в то время мнений особое внимание привлекают оценки Вяч. Иванова. В статье “О поэзии Иннокентия Анненского”, написанной сразу после выхода “Кипарисового ларца” в 1910 году, он отмечает, что лирика Анненского занимает специфическое положение в русской поэзии. Подчеркивая отличие “индивидуального” символизма Анненского от того символистского направления, к которому Вяч. Иванов относит самого себя и тех поэтов, которых сегодня именуют “младосимволистами”, он называет метод Анненского “ассоциативным символизмом”, считая его “старым”, исчерпавшим себя в творчестве Бодлера и Малларме. В основе этого метода лежит ключевая деталь, которая не обозначается прямо, но должна быть реконструирована из предложенного ряда ассоциаций. Поэт, исповедующий такой метод, пытается “поражать загадочными сочетаниями образов и понятий и, заставляя читателя осмыслить их взаимоотношения и соответствия, стремится к импрессионистическому эффекту *разоблачения*” [4, 170] (выделено Вяч. Ивановым. – Т.К.). При этом посредством остраненной перспективы изображенное превращается в предмет разгадки, которая в свою очередь становится отправной точкой новой загадки. Для Вяч. Иванова такой метод является неприемлемым, он считает, что “трагизм прикованного к земной пыли, изнемогающего в своей эмпирической ограниченности “бескрылого духа, полоненного землей”, переживается здесь путем последовательного восприятия ряда чувственных раздражений и связанных с ними побочных представлений...” [4, 170-171]. В противоположность этому методу, “реалистический символизм”, как его определяет Вяч. Иванов, связывая его возникновение с поэзией Тютчева, называет свой предмет прямо, – предмет, который, однако, избавлен от своего обычного внешнего облика. Хотя Вяч. Иванов, противопоставляя себя Анненскому, и называет тип символизма, к которому следует относить его собственное творчество, “реалистическим”, последний является по сути метафизическим, обращенным к “высшим”, непостижимым для человеческого опыта сферам. Терминология Вяч. Иванова, скорее, подменяет сущность явлений. Н. Дзуцева, современный исследователь постсимволистской эпохи в русской поэзии, обозревая спор авторов “Книг отражений” и “Заветов символизма”, справедливо указывает: “Анненский, хорошо ощущавший опасность “реализма” как термина, скомпрометированного досимволистскими попытками поставить поэзию на “службу” жизни (отсюда его презрительное определение – “служилое слово”, “работающее” в позитивистских художественных системах), обращается с ним очень осторожно. Реализм как требование насущности поэтического творчества был связан в его сознании прежде всего с необходимостью развоплотить эзотерические шифры символистского языка ивановского, условно говоря, направления <...>. Открытия Анненского, связанные с установкой на “будничное” слово как на самое “загадочное” и “страшное”, утверждали реальность психологического переживания. Это было насыщение лирического высказывания небывалой в контексте символизма эмоциональной достоверностью, то есть другая поэтическая метафизика, а не ее отсутствие...” [3, 84].

Первая собственно научная, методологически концептуальная версия художественно-эстетического своеобразия лирики Анненского была предложена в начале 1920-х годов Б.А. Лариным, не связанным с поэтом личными отношениями или воспоминаниями, в статье “О “Кипарисовом ларце””. Б.А. Ларин, в будущем выдающийся ученый-языковед, литературовед и педагог, уделивший много внимания вопросам стилистики художественной речи, исследует главным образом особенности поэтического языка Анненского. Он выделяет такие его черты, как “взаимодействие семантических образов и ходов с принципами композиции”, “символичность, порождающая представления зыбкие, ускользающие и эмоционально абстрактные”, трагедийная напряженность тона, отражающаяся в экспрессивном и часто усложненном синтаксисе, музыкальное варьирование сквозных образов, олицетворение неодушевленных имен во взаимодействии с овеещающими метафорами и т. д. [14, 151-157].

После статьи Б. Ларина в течение многих десятилетий об Анненском не было написано не

только ни одного специального монографического исследования, но даже и отдельных статей. Не находилось места Анненскому и в учебных пособиях по русской литературе рубежа веков. Интерес к нему возрождается только во второй половине XX века, когда об Анненском стали говорить как об одной из ключевых фигур в новейшей русской лирике. Именно так оценивалось его творчество в работах Л. Гинзбург, Л. Долгополова, Д. Максимова, П. Громова и др.

Чрезвычайно много в деле популяризации и научного изучения творчества Анненского сделал известный литературовед и специалист в области переводоведения А. Федоров. Еще в 1939 году им были подготовлены к печати избранные стихотворения поэта; через 20 лет исследователь издал «Стихотворения и трагедии» Анненского, а в 1979 году совместно с Н. Ашимбаевой и И. Подольской принял участие в переиздании «Книг отражений». В ряде статей 1950-1970-х годов А. Федоровым проанализированы наиболее значительные аспекты многогранной деятельности Анненского: поэзия, критика, драматургия, переводы. Итогом почти полувековой работы исследователя стала монография «Иннокентий Анненский. Личность и творчество», изданная в 1984 году. В этой книге, помимо анализа основных сфер художественного наследия Анненского, предпринята попытка создания первой научной биографии поэта. Основываясь на архивных разысканиях, Федоров смог пополнить до того крайне скудные фактические сведения о внеслужебной жизни Анненского, снять многие казавшиеся неразрешимыми вопросы, касающиеся формирования его личности и мировоззренческой позиции.

Центральное место в книге А. Федорова занимает глава, посвященная лирике Анненского. Автор монографии исходит из двух методологических приоритетов: во-первых, в анализе поэтического наследия Анненского доминирует не хронологический, а проблемно-тематический подход, что обусловлено отсутствием, по мнению исследователя, отчетливо прослеживаемой творческой эволюции поэта. Во-вторых, лирика Анненского рассмотрена в тесной связи с его переводческой практикой: переводы, особенно поэтов, близких Анненскому в плане художественной методологии (например, французских символистов), оказываются необходимым ключом к прочтению его оригинальной поэзии. Так проясняются истоки поэтического «полифонизма» Анненского, его обостренного интереса к другим духовно-эстетическим мирам, к инациональным традициям. А. Федоров убедительно демонстрирует, как лирика других поэтов становится строительным материалом собственного художественного мира, как чужие образы переплавляются в свое неповторимое слово. В свете такого прочтения выявляется специфическая, глубоко скрытая «литературность» поэзии Анненского.

В следующих двух главах книги анализируется литературно-критическое и драматургическое наследие Анненского. Автор указывает на переклички драматургии и критической прозы поэта с его лирикой, а также с эпистолярием. Для понимания поэтики Анненского представляются весьма существенными выводы А. Федорова о специфике структурной организации статей, в частности о «кольцевой» композиции, о смене форм речи, точек зрения и т. п. Авторские и переводные трагедии Анненского сопоставляются главным образом с символистской драматургией. Устанавливаются типологические параллели между пьесами Анненского и Блока, подчеркивается функциональная значимость хора и ремарок в «античных» драмах Анненского.

С начала 1970-х годов начинается исследование творчества Анненского и в жанре диссертаций. Одной из первых диссертационных работ, имевших широкий резонанс в научной среде, была работа К. Черного «Поэзия Иннокентия Анненского» (МГУ, 1973). В ней в ряду основных задач исследования ставилась задача описания особенностей поэтики Анненского, но фактически основным содержанием диссертации стало рассмотрение проблемно-тематических сторон лирики поэта. В первой главе обозревалась общественная позиция и литературно-эстетические взгляды Анненского, что, по сути, явилось подступом к центральной проблеме исследования, рассмотренной во второй главе, название которой – «Поэтический мир Анненского» – явно дублировало общую тему диссертации. К. Черный исследует поэзию Анненского в двух аспектах. Во-первых, выделяются и анализируются основные темы и мотивы лирики Анненского, посредством которых раскрывался внутренний мир лирического героя, его отношение к окружающей действительности. Во-вторых, прослеживается отношение к лирическому герою самого автора, поскольку, по мнению исследователя, отличительной чертой лирики Анненского является «конструирование образа лирического героя как образа типического, как социальный, идеологический, психологический, эмоциональный феномен «нашего общего Я»» [20, 8].

Существенное значение в становлении и развитии отрасли знаний о творчестве Анненского имела публикация сборника критических материалов и писем поэта «Книги отражений» [1], а также воспоминаний об Анненском в серии «Памятники культуры», подготовленных А. Лавровым и Р. Тименчиком [13].

Эти публикации повлекли за собой целый ряд диссертаций [См.: 7, 11-12], в которых ставились проблемы генезиса литературно-критического наследия поэта, идейно-эстетических функций мифа в драматургии Анненского, лексико-семантических аспектов идиостиля поэта,

связи его творческого метода и стиля с художественно-эстетическими системами романтизма, символизма, акмеизма.

Новый подъем интереса к творчеству Анненского наблюдается с середины 1990-х годов. Одной из причин этого стали результаты успешно прошедшей в 1994 году в Санкт-Петербурге конференции, посвященной Анненскому (по итогам конференции была выпущена книга “Иннокентий Анненский и русская культура XX века” [6]). Спустя 10 лет подобного рода конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Анненского и объявленная как Международные научно-литературные чтения “Художественный мир Иннокентия Анненского”, прошла уже в Москве, в Литературном институте им. А.М. Горького (11-12 октября 2005 года). Ее материалы представлены на сайте “Иннокентий Анненский. Цифровой архив” (annensky.lib.ru) [19].

Помимо многочисленных статей, опубликованных в конце 1990-х – начале 2000-х годов, о творчестве Анненского пишутся и защищаются диссертации: Петрова Г. В. “Лирика И.Ф. Анненского в контексте философских и эстетических идей конца XIX - начала XX века: (Проблемы творческой личности)”; Останкович А. В. “Сонеты И.Ф. Анненского: аспект гармонической организации”; Курганов А. В. “Антропология русского модернизма (на материалах творчества Л. Андреева, Ин. Анненского, Н. Гумилева)”; Налегач Н.В. “Пушкинская традиция в поэзии И. Анненского”; Новикова У.В. “Эстетика И.Ф. Анненского в свете интерпретации доминантных мотивов лирики поэта”; Дудорова М.В. “Категоризация пространства в поэтическом тексте (на материале поэзии И. Анненского)”, Тарасова И.А. “Структура семантического поля в поэтическом идиостиле: (На материале поэзии И. Анненского)”; Пирошенко С.Ю. Поэтика Анненского как выражение экзистенциального мировосприятия; издаются книги: Кихней Л., Ткачева Н. “Иннокентий Анненский: Вещество существования и образ переживания”; Пурин А. “Превращение бабочки. О русской поэзии XX века”. Значительное место занимает творчество Анненского в монографии Н. Дзущевой “Заветы символизма” [См. об этих исследованиях подробнее: 7, 12].

Таким образом, к середине 2000-х годов в осмыслении художественного феномена Анненского сложилось несколько основных направлений.

Центральным вопросом, решение которого предопределяло различие подходов к изучению творческого наследия поэта, был и остается до настоящего времени вопрос о сущности его художественного метода. В связи с решением этого вопроса характеризуются и особенности поэтики Анненского. Исследователи по-разному определяют поэтический метод автора “Тихих песен” и “Кипарисового ларца”, не признавая, как правило, эволюции лирической системы Анненского. Одно из первых мнений о поэтике Анненского было высказано его младшим современником и творческим оппонентом Вяч. Ивановым, который в упоминавшейся выше статье “О поэзии Анненского”, в частности, отмечал: “И.Ф. Анненский-лирик – является в большей части своих оригинальных и трогательных... созданий символистом того направления, которое можно было бы назвать символизмом *ассоциативным*” [4, 170] (выделено Вяч. Ивановым. – Т.К.). Кроме того, Вяч. Иванов определил и главную задачу этого метода как задачу сугубо изобразительную, которая решается с помощью импрессионистических импульсов. Суждение Вяч. Иванова во многом предопределило взгляды многих современных литературоведов на поэтику Анненского. Мысль автора “Кормчих звезд” об ассоциативности художественного мышления Анненского в принципе поддерживает А. Федоров [18, 155]. И. Корецкая усматривает в “Тихих песнях” и “Кипарисовом ларце” черты импрессионизма – влиятельного течения в новом искусстве конца XIX-начала XX века [12]. Об импрессионистической доминанте поэтики Анненского говорит также В. Силантьева, известный современный исследователь художественного мышления переходной эпохи [17, с.75, 79]. В свою очередь Л. Гинзбург определяет метод Анненского как психологический символизм [2, 314]. Отмеченные точки зрения, очевидно, основываются на стремлении поэта соединить, соотнести тончайшие, трудно уловимые “оттенки переживания” (А. Федоров), “душевные процессы” (Л. Гинзбург) с внешним, вещным миром с тем, чтобы многосторонне и ярко осознать “душевный смысл явления” (Вяч. Иванов). Таким образом, большая часть исследователей сходится в том, что поэтика Анненского строится на субъективно-психологической ассоциативности.

Показательна в этом плане характеристика И. Корецкой, которая, сопоставляя художественно-эстетические доминанты творчества Анненского и его оппонента Вяч. Иванова, пишет: “Там, где у Иванова проповедь, у Анненского – исповедь. В отличие от убежденности Иванова, здесь сомнение, недоумение, смятенность, культивируемые поэтом. Соответственно синтаксис Анненского отмечен обилием вопросительных и условных форм, как бы передающих вибрацию души лирического Я, его погруженность в грезу, поэзию смутного (“Трдumerei”, “Призраки” и мн. др.). Слово Иванова призвано внушить представление о стойкости героического духа, о незыблемости вечного (даже тогда, когда это “вечный бунт”). Слово Анненского стремится передать текучесть преходящего. Образ Иванова верен своей “тяжкогранной природе” (А. Белый); поэт пристрастен к эмблемам твердости. У Иванова лед “алмазный”, у Анненского он “нищенски-

синий и заплаканный” (“хвалебный” эпитет декоративного типа в первом случае; “снижающий” и психологизированный – во втором). Прочность свойственна и фактуре ивановского стиха, отлитого в “твердую” строфику (сонета, терцины, газели), и лексике Иванова, которой присуще “сведение слова к его твердому изначальному ядру”. Иванов “скульптурирует холмы, высекая в них рощи из камня”, – писал Белый; мастерство Иванова современники уподобляли искусству зодчего, резчика, медальера. Стих Иванова, перегруженный сверхсхемными ударениями, не напевен. Певучесть стиха Анненского – одно из проявлений его поэзии музыкального типа с характерными камерными жанрами романса, прелюда, ноктюрна, интермеццо. На палитре Анненского – обилие полутонов, оттенков; цветовая символика имеет субъективно-психологический смысл. Цвет у Иванова ознаменователен, как в иконе или сакральной мозаике. Рдяный, белый, золотой в безусловности своей полноты – знаки высоких мистических ценностей...” [11, 66].

На надличностный характер лирики Анненского указывает С. Пирошенко, автор диссертации о его поэтике как выражении экзистенциального мировосприятия, подчеркивая, в частности, что это свидетельствует не только о мифопоэтизме его художественной системы, но также о ее ориентации на экзистенциальную парадигму мировосприятия и миропонимания, поскольку лирическое “Я” поэта раскрывается в остродраматическом переживании своего отношения к кардинальным проблемам человеческого бытия [16, 9].

Отдельные аспекты мифопоэтики Анненского рассматриваются в статье Г. Козубовской [9]. Отмечая исключительную значимость мифа об Одиссее в художественном мире Анненского, исследовательница подчеркивает: “В “Тихих песнях” и “Кипарисовом ларце” Одиссеев миф раскрывается через взаимодействие мифологем – своеобразных “шифров” архетипических ситуаций, в которых оказывается лирический герой Анненского. Этот миф задан антиномией “Ужас–Сострадание” и существует в ассоциативных сцеплениях. В параллелизме планов реализуется идея двойничества: две судьбы идут рядом, почти не пересекаясь; Одиссеей – неназванный двойник и лирического героя, и автора, их недовоплощенное “я”, лучшая часть души, мир высокой поэзии. Удвоение бытия – конструктивный принцип композиции (скуке жизни противопоставлена мечта, прозаической повести – волшебная сказка). Оно мотивировано раздвоенностью души” [9, 74]. Вместе с тем, как справедливо утверждает С. Пирошенко, работа эта концептуально противоречива. Например, говоря о том, что “мифологема “вечного возвращения” отражает ужас тупика...”, автор не учитывает значительного контекста данной мифологемы (в том числе ее “положительной” семантики), актуализированной в конце века Ф. Ницше. Восприятие Анненским мифологемы возвращения складывалось именно в этом контексте и отличалось исключительной сложностью и неоднозначностью.

Своеобразие функциональных особенностей поэтики Анненского отмечают разные исследователи. Так, Л. Колобаева еще в середине 1970-х годов выдвинула идею о том, что в трагически-непостижимом мире Анненского всепроникающей и “спасительной” является ирония: “Ирония Анненского, всеохватывающая и трагическая, становится универсальным способом его поэтического видения. Она – не частный вид эмоциональной оценки, а отношение к миру, способ мышления и, больше того (как говорят философы применительно к экзистенциалистской философии), сам “способ существования”” [10, 25]. Именно эта особенность художественного сознания Анненского актуализирует такие черты его поэтики, как маскарадность, двойничество, пародирование, гипертрофированную масштабность “конечных” измерений человеческой жизни – в свете бесконечности мироздания и вечности времени. В статье Л. Колобаевой косвенно ставилась проблема связи поэтики Анненского с экзистенциальным типом художественного сознания. Впоследствии в диссертации С. Пирошенко отмечалось, что заложенная здесь интенция такого прочтения, в силу понятных причин, вызванных и жанром публикации, и определенным углом прочтения творчества Анненского, не была реализована. Подчеркнутая автором упомянутой диссертации мысль о том, что выдвинутые Л. Колобаевой положения представляют значительную ценность для исследования в данном направлении, нашла непосредственное воплощение в самой этой диссертации. Продуктивность такого подхода подтверждена и в недавно защищенной докторской диссертации И. Ивановой “Типология и эволюция иронии в поэзии русского модернизма (1890 – 1910 годы)” (Ставрополь, 2006), в третьем разделе которой, в частности, рассматриваются “онтологические и психологические аспекты иронии в “Тихих песнях” и “лирический иронизм” “Кипарисового ларца” с образно-мотивной доминантой смерти как абсолютного ироника” [5, 16].

В исследовании особенностей поэтики Анненского важную роль играют и работы лингвистов, предметом заинтересованности которых является идиостиль поэта, а также типологическое соотнесение его с другими индивидуальными поэтическими системами в русской лирике. Это прежде всего работы А. Елисеевой, Н. Кожевниковой, Е. Некрасовой, Н. Николиной, А. Хохулиной [См. подробнее: 7, 18]. Е. Некрасова в монографии, исследующей типологические параллели в поэтике Анненского и Фета [15], анализирует специфический языковой механизм

создания символа, сущность которого заключается в том, что определенное слово вводится в разные семантические ряды, связывается с разноплановыми реалиями. Кроме того, в системе творчества одного автора может использоваться принцип “кодовых значений” (Л. Гинзбург), когда вследствие помещения одного и того же слова в схожие, однотипные контексты оно приобретает некий особый смысл, отличный от общепринятого. Символизация в лирике Анненского углубляется и усиливается за счет предметной ассоциативности, которая нередко предельно расширяет смысл контекста, в результате чего образ приобретает многозначный смысл.

Таким образом, характеристика основных направлений изучения творчества Анненского свидетельствует об устойчивом росте интереса к нему и расширении спектра исследований. Вместе с тем из этого анализа вытекает вывод о необходимости дальнейшего анализа таких аспектов поэтики автора “Кипарисового ларца”, как специфика системы циклообразования, особенности строфической архитектоники, своеобразии интонационно-синтаксических средств и приемов.

Список использованных источников

1. Анненский И.Ф. Книги отражений / И.Ф. Анненский. – М. : Наука, 1979. – 680 с.
2. Гинзбург Л.Я. Вещный мир // Гинзбург Л.Я. О лирике. – М. : Сов. писатель, 1974. – С. 311–358.
3. Дзудева Н.В. Время заветов: проблемы поэтики и эстетики постсимволизма / Н.В. Дзудева. – Режим доступа: <http://www.ivanovo.ac.ru>.
4. Иванов Вяч.Ив. О поэзии Иннокентия Анненского // Иванов Вяч. Родное и вселенское. – М. : Республика, 1994. – С. 170–179.
5. Иванова И.Н. Типология и эволюция иронии в поэзии русского модернизма (1890 – 1910 годы): Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – Ставрополь, 2006. – 40 с.
6. Иннокентий Анненский и русская культура XX века: Сб. науч. тр. / Музей А. Ахматовой в Фонтанном Доме; Сост. и науч. ред. Савельевой Г.Т. – СПб. : АО «Арсис», 1996. – 153 с.
7. Кеба А.В., Кеба Т.В. Лирика Иннокентия Анненского: художественная семантика и структура: Монография / А.В. Кеба, Т.В. Кеба. – Кам’янець-Подільський : Аксіома, 2009. – 176 с.
8. Кихней Л.Г., Ткачева Н.Н. Иннокентий Анненский. Вещество существования и образ переживания / Л.Г. Кихней, Н.Н. Ткачева. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – 123 с.
9. Козубовская Г.П. Лирический мир И. Анненского: Поэтика отражений и сцеплений / Г.П. Козубовская // Русская литература. – 1995. – №2. – С.72–86.
10. Колобаева Л.А. Ирония в лирике И. Анненского / Л.А. Колобаева // Филологические науки. – 1977. – №6. – С. 21–29.
11. Корецкая И.В. Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский / И.В. Корецкая // Контекст. 1989. – М. : Наука, 1989. – С. 58–68.
12. Корецкая И.В. Импрессионизм в поэтике и эстетике символизма / И.В. Корецкая // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX века. – М. : Наука, 1975. – С. 207–252.
13. Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях / А.В. Лавров, Р.Д. Тименчик // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. – Л. : Наука, 1983. – С. 61–146.
14. Ларин Б. О “Кипарисовом ларце” / Б. Ларин // Литературная мысль. II. – Пг., 1923. – Кн. 2. – С. 149–158.
15. Некрасова Е.А. А. Фет. И. Анненский: Типологический аспект описания / Е.А. Некрасова. – М. : Наука, 1991. – 127 с.
16. Пирошенко С.Ю. Поэтика И. Анненского как выражение экзистенциального мировосприятия: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / С.Ю. Пирошенко / Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2006. – 18 с.
17. Силантьева В.И. Художественное мышление переходного времени (литература и живопись) / В.И. Силантьева. – Одесса : АстроПринт, 2000. – 352 с.
18. Федоров А.В. Иннокентий Анненский. Личность и творчество / А.В. Федоров. – Л. : Художественная литература, 1984. – 224 с.
19. Художественный мир Иннокентия Анненского: Международные научно-литературные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения И.Ф. Анненского. – Режим доступа: <http://annensky.lib.ru/index.htm>
20. Черный К.М. Поэзия Иннокентия Анненского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / К.М. Черный. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак., 1973. – 23 с.

Summary. The main aspects of the I. Annenskiy's poetics have been observed in the paper. The author points out to the prospects of the further studies such as analysis of the poet's imagery system, principles of the cycle formation, strophic architectonics, dominant intonation-syntactical peculiarities.

Key words: I. Annenskiy, poetics, artistic structure, imagery system, lyric cycle, lyric subject.